

*Джеральду,
который вдохновил меня передать
с помощью этой книги страстное убеждение,
что преступления Холокоста
не должны быть забыты*

ВВЕДЕНИЕ

Раввин Авраам Купер

Мне очень повезло поработать с Симоном Визенталем, охотником за нацистами, с которым я был знаком почти тридцать лет. Потеряв 89 родственников во время Шоа*, и пережив невероятные издевательства и варварское отношение, Симон всю жизнь (начиная с 5 мая 1945 года, когда американские солдаты спасли его, едва живого, из Маутхаузена) посвятил преследованию убийц своего народа. Он помог поймать более тысячи преступников-нацистов, включая человека, арестовавшего семью Анны Франк.

«Правосудие, не месть» — вот было его кредо.

«Нам нужны осужденные преступники, а не преданные неонацизму мученики», — говорил он нам в своем центре, который основал в 1977 году. Целью всей жизни Визенталья было правосудие; практически в одиночку, без особой поддержки во время холодной войны он хранил память о прошлом и стоял на страже справедливости.

* Шоа — катастрофа, бедствие (иврит); используется как замена термину «холокост».

«Каждый суд должен стать прививкой от ненависти, а также предупреждением еще нерожденным поколениям: человек способен на невероятное зло против своих братьев и сестер», — говорил он американским студентам, когда его приглашали читать лекции в 1970–1980-х годах. И он был абсолютно прав. Мы живем в мире, где отрицание холокоста — государственная политика муллакратического режима в Иране, где терминология и символика холокоста извращена и используется ради собственной выгоды экстремистами, ненавидящими еврейское государство; где слова «геноцид» и даже «Освенцим» цинично используются политиками, ведущими и даже учеными. Однако еще хуже инстинктивное желание некоторых смотреть на Шоа 70 лет спустя через призму истории и заявлять, что Освенцим уже не актуален.

Именно поэтому «Аптекарь Освенцима. Неизвестная история Виктора Капезиуса» Патрисии Познер — работа чрезвычайно важная и актуальная. Автор рассматривает жизненный путь Капезиуса, образованного человека, фармацевта, популярного в светских кругах коммивояжера компаний *Farben* и *Bayer*, который общался со многими евреями у себя на родине, в Румынии, до начала Второй мировой войны. А вскоре оказался на одной стороне с Ангелом Смерти, посылал людей, которых давно знал, в том числе еврейских детей-близнецов, на верную смерть в газовые камеры. Оберегал запас «циклона Б» и поставлял нацистам препараты для бесчеловечных экспериментов на детях и беременных. Он же копался в горе трупов евреев, чтобы вытащить все золотые зубы и, одержимый жадностью, тащил тяжеленные чемоданы, набитые золотом тысяч жертв.

Не менее важна, чем история карьеры Капезиуса в Освенциме, реконструкция суда над нацистскими преступниками в Западной Германии в начале 1960-х годов, произведенная

Патрисией Познер. Помимо Капезиуса судили главного помощника коменданта Освенцима, врачей, стоматологов и даже капо. В течение всего судебного процесса и после приговора к 9 годам заключения Капезиус и другие ответчики не показали ни капли раскаяния. Пережившие холокост, осмелившиеся выступить свидетелями в немецком суде, были встречены бывшими нацистами с презрением и разочарованием от сознания, что кто-то сумел выжить. Капезиус, обвиненный во лжи, краже и расхищении имущества убитых, всегда отрицал свои преступления, отказывался брать на себя ответственность за содеянное или приносить жертвам извинения. Он считал жертвой себя, хорошего человека, который лишь выполнял приказы: маленькая пешка, которую вообще не надо было сажать.

24 января 1968 года верховный суд Германии разрешил Капезиусу выйти на свободу после того, как он провел в заключении меньше 2,5 лет из назначенных девяти. Первым его появлением на публике стало посещение концерта классической музыки с семьей в Гёппингене. Как только он вошел, зал взорвался аплодисментами. Многие, в том числе освободившие его судьи (бывшие нацисты), считали, что Капезиус заслуживает поддержки и сострадания. Ведь он был обыкновенным немцем, хорошим человеком, который всего лишь исполнял приказы.

Патрисия Познер показывает молодому поколению, что путь, избранный Капезиусом и многими другими, приводит прямиком к вратам ада.

Раввин Авраам Купер

Заместитель декана и со-основатель

Центра Симона Визенталя

Лос-Анджелес, Калифорния

Август 2016 года

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Как-то весной 1986 года я спешила на встречу, которую мой муж, писатель Джеральд Познер, организовал в полинезийском ресторане «Trader Vic's» в нью-йоркском отеле «Плаза». Встреча должна была помочь нам продвинуться в изучении жизни доктора Йозефа Менгеле, печально известного «Ангела смерти», под руководством которого в Освенциме — самом крупном нацистском лагере — проводились бесчеловечные медицинские эксперименты. То, что началось как иск Джеральда *pro bono* в пользу двух выживших подопытных Менгеле, обернулось биографией беглого нациста. Мы ездили в Германию и Южную Америку, распутывали историю в тайных архивах, проникали в круги неофашистов, которые помогали Менгеле оказываться на шаг впереди охотников за нацистами.

Встреча была ни с кем иным, как с Рольфом Менгеле, единственным ребенком того самого доктора. Мы с Джеральдом уселись в слабоосвещенном углу ресторана и принялись ждать 42-летнего Менгеле. Как английская еврейка, я знала, что, если бы мои бабушка с дедушкой не мигрировали из Польши в Великобританию в начале XX века, они, вероятнее

всего, погибли бы в концлагерях. Может, они оказались бы в Освенциме, где Менгеле правил балом. Поэтому не удивительно, что наши исследования вокруг Менгеле казались мне каким-то сюрреализмом. Было и крайне неприятное, неоднозначное общение Джеральда в Буэнос-Айресе с Вильфредом фон Офеном, некогда главным помощником нацистского министра пропаганды Йозефа Геббельса, а после войны издателем откровенно антисемитского журнала в Аргентине. И коллекция нацистских «памятных подарков» одного из спонсоров Менгеле, организовавших для него парагвайское гражданство. Но все это казалось слишком далеким теперь, когда мне предстояла встреча с Рольфом Менгеле.

Мы с Джеральдом неоднократно это обсуждали. Ребенок не несет ответственности за грехи родителя. Я знала, что Рольф осуждал все, что его отец делал в Освенциме, и пытался загладить его вину: он позволил Джеральду использовать дневники и письма отца в будущей биографии. А целью этой нью-йоркской встречи было обсуждение с Рольфом возможности рассказать об отце на телевидении в прямом эфире (так и случилось, они с Джеральдом снялись тем летом в программе Фила Донахью). И хотя разумом я понимала, что мужчина, которого я сейчас увижу, не несет никакой ответственности за леденящие кровь преступления, совершенные в Освенциме человеком с той же фамилией, отцом, меня переполняли смешанные чувства. Джеральд уже общался в Германии с Рольфом несколько недель назад, у них сложились хорошие отношения. Я и сама в этом убедилась.

Мое напряжение улетучилось вскоре после прибытия Рольфа. Казалось, он нервничал не меньше моего, и это как-то помогло нам обоим справиться с волнением. На меня произвело впечатление его искреннее осуждение преступлений отца. И вскоре я поняла, что зверства Менгеле стали тяжким

бременем для его сына и что он не понимает, не принимает это наследие и любой ценой хочет оградить от него своих детей.

В какой-то момент, обсуждая бегство его отца от правосудия, мы заговорили о месяцах хаоса после окончания войны в мае 1945 года. Менгеле еще был в Европе и скрывался от американской и британской армий. Оказалось, ему невероятно повезло. На меня произвело неизгладимое впечатление, что в сентябре 1945 года, через восемь месяцев после исчезновения из Освенцима, когда ему удалось буквально ускользнуть от наступавшей Советской Армии, Менгеле объявился в Мюнхене в доме некоего аптекаря. Они вместе служили на Русском фронте в 1942 году, прежде чем Менгеле перевели в Освенцим. Но, как сказал Рольф, мюнхенский аптекарь знал о преступлениях его отца, потому что у них был общий знакомый, работавший в том же лагере смерти: аптекарь Виктор Капезиус.

— Капезиус, — сказал Рольф, — это аптекарь Освенцима. Мой отец дружил с ним.

Помню этот момент, как если бы это было вчера. Я сразу подумала: «В Освенциме был свой аптекарь?».

Много лет, работая над собственными книгами и общими с Джеральдом, я надеялась, что когда-нибудь смогу написать и о Капезиусе. Это желание со временем только росло, и в какой-то момент я осознала, что судьба Капезиуса, его роль в Освенциме, как и крупнейших немецких фармацевтических компаний, остается нераскрытой, затерянной среди множества историй рядовых нацистов. Годами собирая материал, я обнаружила потрясающую картину извращенной медицины и жадности. Те несколько слов, брошенные 31 год назад Рольфом Менгеле, заронили зерно, которое наконец проросло. Перед вами странная, жуткая, а порой и граничащая с безумием история аптекаря Освенцима.

Глава 1

«ДЯДЯ-АПТЕКАРЬ»

Май 1944 года. Освенцим, нацистский храм индустрии геноцида, работает в полную силу. Истребление европейского еврейства в бешеном разгаре, Третий рейх отправляет в газовые камеры Освенцима 800 тыс. венгерских евреев. Но место, ставшее синонимом массового убийства, не справлялось с огромным количеством новых жертв. В этот хаос прибыли доктор из Румынии Маврикий Бернер, его жена и дети. Бернеры и еще восемьдесят евреев, их соседей из Трансильвании, присоединенной к Венгрии, приехали в лагерь незадолго до восхода солнца, проведя три дня в битком набитом вагоне для скота.

— Снаружи сняли замки и цепи, и двери открылись, — вспоминал Бернер годы спустя. — Вокруг были горы чемоданов, тысячи чемоданов в полном беспорядке.

Фаланга эсэсовцев с лающими немецкими овчарками создавала сюрреалистичный силуэт в свете ослепляющих прожекторов.

— Я не понимал, где мы находимся, что произошло, и почему нас окружает такая разруха. Впереди между парой железнодорожных путей, в нескольких сотнях метров

мы увидели две заводские трубы, из которых вырывалось пламя, огромные столбы пламени... Сначала мы подумали, что здесь недавно была бомбежка..., а эти гигантские столбы огня, поднимающегося из труб, наводили на мысль, что мы оказались на металлургическом заводе, или у ворот в преисподнюю Данте.

Несмотря на то, что ему самому было страшно, доктор Бернер попытался успокоить жену и детей.

— Главное, что мы вместе..., и мы ни за что не позволим им нас разлучить.

Тут же к ним подошел эсэсовец.

— Мужчины идут направо, женщины — налево.

— Всего за секунду меня оторвали от жены и детей, — рассказывал Бернер. — Они шли параллельно, на расстоянии нескольких шагов.

— Любимый, иди сюда, поцелуй нас! — крикнула его жена.

— Я бросился к ним. Со слезами на глазах поцеловал жену и детей. У меня стоял ком в горле. Я посмотрел в глаза жены, огромные, печальные, красивые, наполненные страхом смерти. Дети молча смотрели вперед и шли за матерью. Они не понимали, что происходит.

Солдат подтолкнул Бернера обратно к другим мужчинам. Через несколько минут раздался приказ:

— Все доктора, сюда!

Бернер присоединился к небольшой группе, собравшейся у пары грузовиков Красного креста. Оттуда увидел ухоженного капитана СС в белых перчатках, который стоял перед тысячами новичков, растянувшихся на четверть мили вдоль рельсов. Как только подходил новый человек, эсэсовец указывал большим пальцем направо или налево, снова разделяя

людей. Позже Бернер узнал, что это был Йозеф Менгеле и группу «слева» немедленно отправляли на смерть [1].

Неподалеку от Менгеле, спиной к Бернеру, стоял другой эсэсовец, невысокий коренастый мужчина. Он давал указания пленникам после распределения Менгеле. В какой-то момент эсэсовец развернулся. Бернер был поражен, он потряс головой и протер глаза, чтобы убедиться, что не ошибся. Этим эсэсовцем был никто иной, как Виктор Капезиус, аптекарь из родного города Бернера.

В 1930-е годы Капезиус был довольно популярным торговым представителем фирмы *I.G. Farben*, огромного химического и индустриального конгломерата. Он продавал медикаменты компании *Bayer*, дочернего предприятия *Farben* [2].

— Когда началась война, я потерял Капезиуса из вида, — вспоминал Бернер. — Но когда мою семью привезли в Освенцим, кто же там был? Тот самый доктор Капезиус [3].

Бернер подобрался через толпу поближе к Капезиусу, чтобы тот мог его услышать. Слова стремительно вылетели из него:

— Вы меня помните?!

Он стал умолять Капезиуса вернуть его к жене и детям, 12-летней дочке и 9-летним близнецам.

— Близнецы? — Капезиус, казалось, заинтересовался.

Капезиус и другой эсэсовский врач, доктор Фритц Кляйн, нашли в толпе жену и дочек Бернера. Они отвели всю семью к Менгеле, внимание которого было сосредоточено на длинной очереди новых заключенных. Кляйн рассказал Менгеле о близняшках.

Близнецы представляли для Менгеле особый интерес: он был одержим идеей экспериментов над этими детьми. Но, поскольку Рейх начал терпеть поражения, Менгеле понимал, что больше не мог сохранять для себя все пары близнецов.

— Они близнецы или двойняшки? — спросил он.

— Двойняшки, — ответил Кляйн.

— Потом, — отмахнулся Менгеле. — Сейчас у меня нет времени.

— Они пока вернутся к своей группе, — сказал Капезиус рыдающему Бернеру. — Не надо плакать. Они просто сходят в душ и всё. Вы увидите уже через час [4].

Бернера отправили в трудовой лагерь при Освенциме. Только после окончания войны он узнал, что его семья погибла в газовой камере меньше, чем через час после прибытия.

В тот же день Капезиуса узнали еще двое. Доктор Гизела Бём, педиатр, и ее 19-летняя дочь Элла прибыли тем же поездом, что и Бернер. Элла успокаивала дочек Бернера всю ужасную поездку. Обе были поражены, увидев Капезиуса на станции. Доктор Бём знала его с тех дней, когда он работал коммивояжером *Bayer*. Он держал аптеку в ее родном городе Шессбурге и сотрудничал с ее мужем, тоже врачом. Как-то раз он даже показал им рекламный фильм *Bayer* [5]. У Эллы были теплые воспоминания о Капезиусе: с тех самых пор, как ей было 12 и отец представил «дядю-аптекаря», а тот подарил ей тетрадь фирмы *Veuer*.

— Я очень гордилась этой тетрадью, — вспоминала она годы спустя. — И всем хвасталась в школе [6].

Иногда Капезиус составлял компанию ее семье в общественном бассейне. Элла вспоминала, что он всегда был «мил» с ней. Когда девушка увидела его, сразу подумала, что он поможет им с мамой отделиться от тысяч людей, прибывших с ними. Но ей не удалось привлечь его внимание.

— Что он здесь делает? — не понимала она. — Что аптекарь делает в этом жалком месте? [7]

Глава 2

СВЯЗЬ С ФИРМОЙ FARBEN

На вопрос Эллы не было простого ответа. Чтобы понять, что аптекарь вроде Капезиуса делал в Освенциме, надо знать, историю самого лагеря, каким образом появился этот при-быльный центр медицинских исследований, рабского труда и истребления, смертоносное порождение военно-промыш-ленно-политического партнерства между нацистами и *I.G. Farben*, самой крупной немецкой компанией. В случае Ка-пезиуса это не просто шаг к пониманию жуткой истории (и предыстории) Освенцима. До войны Капезиус работал на *Farben* и их дочернюю компанию — *Bayer*. Эта связь стави-ла его в более высокое положение, нежели других нацистов, служивших с ним в лагере.

Компания *I.G. Farben* (синдикат) была основана в 1925 году, всего за восемь лет до того, как Гитлер занял пост канцлера Германии. Шесть ведущих химических и фармацев-тических компаний объединились в огромный конгломерат; в их числе были крупнейшие мировые производители ис-кусственных красителей: *Bayer*, *Hoechst*, *BASF* и *Agfa* [1]. За 14 лет — от создания синдиката до начала Второй мировой

войны — *Farben* установила рекорд, получив четыре Нобелевских премии в химии и медицине. Ей принадлежали инновационные патенты на самое передовое производство искусственного сырья, включая каучук и синтетическое топливо, на лекарственные препараты против сифилиса и малярии, патенты на морфий и новокаин, а также эксклюзивные права на аспирин в качестве анальгетика. Также предметом гордости *Farben* были передовые исследования тысяч разнообразных продуктов от искусственного подсластителя сахара до отравляющих газов и ракетного топлива. Штат компании составлял четверть миллиона, ее сотрудники получали более высокие зарплаты и считались более квалифицированными, чем в конкурирующих компаниях. Благодаря сложной сети партнеров и дочерних предприятий, *Farben* превратилась в крупнейшую химическую корпорацию в мире и четвертый крупнейший индустриальный конгломерат вслед за *General Motors*, *U.S. Steel*, и *Standard Oil*. Это была самая прибыльная фирма Германии [2].

Еще до прихода к власти, Гитлер разделял популярное в Германии твердое убеждение: страна потерпела поражение в Первой мировой войне по большей части из-за нехватки природных ресурсов для продолжительной борьбы. Жизненно важные отрасли промышленности оказались парализованы во время Первой мировой войны, потому что британская морская блокада перекрыла поставки сырья и лишила Германию каучука, топлива, стали, нитратов. Это привело к постоянной нехватке всего, от пороха до топлива, и Германия «хромала» на поле боя. В итоге нехватка ресурсов и охвативший страну голод сломили дух немцев, и они потерпели поражение [3].

Гитлер, ветеран Первой мировой войны, был убежден, что его страна должна быть самостоятельной и полагаться